

УДК: 130.2

С. И. Сулимов

(д. филос. наук, доцент)

Воронежский государственный университет

(г. Воронеж, Российская Федерация)

E-mail: sta-sulimov@ya.ru**РОЛЬ НАЦИОНАЛИЗМА В СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ:
ГРАЖДАНСКИЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ**

***Аннотация.** Данная статья посвящена анализу такого социально-культурного и политического явления как национализм. Опираясь на работы отечественного исследователя А. В. Костиной, автор выделяет такие виды национализма, как гражданский и этнический. Если гражданский национализм основывается на приверженности всех представителей общности единой системе культурных ценностей, то этнический национализм основывает солидарность общности на противопоставлении её любым другим общностям и на усилении этноцентризма.*

***Ключевые слова:** гражданский национализм, «печатный капитализм», этнический национализм, этноцентризм, этнические чистки.*

Современный мировой порядок, условно именуемый глобальным миром, не исключает конфликтов на этнической, социально-экономической, религиозной и политической основе, и на протяжении XX в. все они раз за разом повторялись с разной степенью интенсивности. Некоторые из таких конфликтов, казалось бы, должны быть давно изжиты. Например, с 1918 г. наиболее подходящим для мирового политического устройства и горячо одобряемым мировым сообществом является проект «нации-государства», который не предполагает возможностей для межплеменного и межэтнического противостояния минувших веков. Однако в XXI в. такой «государственный» национализм, став основой политики многих стран, не только не привёл к прекращению межэтнических конфликтов, но и вывел это противостояние на новый уровень, придав националистическую окраску обычной, старой, как мир, межплеменной борьбе. В ряде случаев исход такой борьбы оставляет у разбитого корыта всех без исключения её участников, хотя история знает и случаи, когда именно национализм привёл к возникновению прочных и политически стабильных государственных образований (например, Германии и Италии). Очевидно, что без уточнения термина «национализм» проблема создания и функционирования национальных государств не будет решена, равно как без какой-либо классификации национализма мы не поймём, в каких случаях это явление благотворно, а в каких – опасно. Решению именно этих двух задач служит данная работа.

Говоря о национализме как явлении политики и культуры, мы не претендуем на новаторство и будем опираться на исследования отечественного автора А. В. Костиной. В качестве примеров функционирования той или иной формы национализма мы обратимся к фактам истории Нового времени, которые читателю известны или имеют непосредственное отношение к нашей стране.

Отечественный исследователь А. В. Костина полагает, что первичной социально-исторической формой консолидации и организации общества является этнос, то есть общность людей, объединенных реальными связями и представлениями об этих связях, а также противопоставляющей себя другим общностям. Связи между членами этноса могут быть не только узами кровного родства, но и памятью о совместных событиях или даже наследием вымышленных героических предков. Нацией этнос не является и по историческому возрасту многократно старше этого явления. А. В. Костина датирует возникновение наций рубежом XVIII-XIX вв. – эпохой промышленного переворота и становления индустриальной экономики, для удачного функционирования которой потребовалось многолюдное и консолидированное общество [1, с. 55-56]. Причём, в процессе формирования наций целенаправленные усилия европейских правительств играли не меньшую роль, чем соседство населявших Францию, Германию или США этносов. В частности, исследователь полагает, что именно трансляция общих для всей страны культурных ценностей в каждую семью позволяет превратить совокупность этносов в нацию, то есть общность, объединенную правовыми, эстетическими и нравственными представлениями, воспринимающей страну как своё достояние. Не последнюю роль в данном процессе создания нации играет всеобщее школьное образование, неслучайно утвердившееся в США, Западной и Центральной Европе именно в XIX в. Исследователь характеризует воздействие единой системы школьного обучения на формирующуюся нацию следующим образом: «При этом централизованное образование (экзообразование), осуществляемое специалистами, заменяет локализованную аккультурацию (эндообразование), осуществляемую традиционной общностью, деревней или кланом.

Именно массовое начальное образование, которое стало нормой в большинстве стран Запада во второй половине XIX века, позволило гражданам Франции осознавать свою «французскость» и ставить лояльность к нации-государству выше различных локальных или региональных привязанностей. Нацию объединяет причастность к неким национальным культурным святыням» [1, с. 56]. Можно предположить, что в формировании французской нации важнейшую роль сыграли идеалы и героические эпизоды революции 1789 г., для американской нации это были принципы и события Войны за независимость (1775-1783 гг.), а для русской нации – романтизированная и героизируемая интеллигенцией народная жизнь, дополняемая богатым историческим и религиозным наследием. Разумеется, процесс формирования наций не обошёлся и не мог обойтись без активного участия деятелей индустриальной экономики, нуждавшихся в рабочих руках, рынках сбыта и поставщиках ресурсов для своих производств. Обеспечить взаимодействие этих факторов могла только консолидация различных регионов страны и устранение взаимного непонимания между населявшими её этносами. В Северной Америке, Западной и Центральной Европе, а также на большей части России это вполне удалось.

Указанный тип национализма А. В. Костина называет национализмом гражданским и полагает, что он невозможен без национализма культурного. Например, политическому объединению Германии предшествовала культурная интеграция немцев вокруг творчества Ф. Шиллера, И. В. Гёте и Р. Вагнера, сознательно эксплуатирующих сюжеты из германской истории и мифологии. Вполне возможна даже ситуация, в которой культурный национализм возникает не в соответствии с политическими реалиями, а вопреки им.

Так, ссылаясь на британского политолога Б. Андерсона, исследователь пишет о «воображаемых сообществах», которые имеют немало шансов превратиться в реальные нации. Создаются такие «сообщества» усилиями деятелей культуры, намеренно транслирующих реципиентам представления об общих целях и едином историческом наследии для того, чтобы сплотить или, наоборот, дифференцировать этнические группы. И Б. Андерсон, и А. В. Костина полагают, что это явление возникает исключительно в Новое время и служит нуждам, прежде всего, капиталистической экономики, которая нуждается в покупателях, но не терпит конкурентов: «Здесь первичными оказываются не реальные связи, а представления человека об общности с другими представителями нации.

Создаются эти представления как раз «печатным капитализмом» – то есть системой образования и просвещения. Здесь важным является следующий аспект. Концепция «воображаемых сообществ» помогает сознать процесс трансформации политической общности, обозначаемой и фактически являющейся империей, племенным образованием, колонией, в нацию. Как считает Б. Андерсон, этот феномен возникает в латиноамериканских колониальных губернаторствах, затем распространяется в Европе и во всём мире. Именно так появились нации мексиканцев, австралийцев, индонезийцев и многие другие» [1, с. 57]. Ведь не следует забывать, антиколониальное движение в странах Латинской Америки в значительной степени финансировала Англия, стремившаяся превратить будущие молодые республики в рынок сбыта для своей промышленности. А для того, чтобы испаноязычные католики Новой Испании или Новой Гранады подняли оружие на своих кастильских и арагонских единоверцев, их следовало убедить в том, что они представляют собой отдельную общность.

Деколонизация стала возможна не раньше, чем на протяжении всей второй половины XVIII в. в Латинской Америке тайные общества интеллектуалов создавали и пропагандировали автономную духовную культуру [2, с. 173]. Некоторые произведения, созданные членами этих обществ, оказались настолько хороши, что и в наши дни являются духовным достоянием молодых наций. Однако в колониальные времена за спиной у латиноамериканских писателей, художников и просветителей маячила тень британского капитала, из средств которого финансировалось создание «воображаемых сообществ».

Рассмотренный нами гражданский национализм, обязательно подразумевающий национализм культурный, является благотворным социально-политическим

явлением, а созданные на его основе государства существуют и развиваются по сей день. Даже если обратить внимание на рождённые из «воображаемых сообществ» республики Латинской Америки, то, невзирая на множество трудностей по наполнению воображаемых «отечеств» реальным содержанием, они представляют собой живые социально-духовные организмы, отзывчивые на события и достижения мировой истории.

Иной тип национализма представляет собой национализм этнический или, как ещё его называют, этнонационализм. Для данного явления характерно стремление создать нацию на базе этнического своеобразия, без отсылок к общей для этноса с кем-либо исторической судьбе или государственной принадлежности. Важно отметить, что этнонационализм не является закономерным этапом в развитии этнического самосознания, потому что большинство этносов на протяжении мировой истории не только обходились без превращения в нации, но даже не стремились к созданию собственных государств.

А. В. Костина отмечает, что процесс формирования этнического национализма всегда запускается определёнными группировками, претендующими на политическое и финансовое могущество. Это именно конкретные люди, имеющие имена и фамилии и ставящие перед собой вполне обозримые своекорыстные цели, средством достижения которых служат этнические общности. Вот как исследователь характеризует этнический национализм: «Существование этнонационализма связано с таким явлением как этноцентризм – стремлением воспринимать собственный этнос и его особенности, представления, формы осуществления жизненной активности в качестве своеобразного эталона. Этноцентризм и позволяет представителям народности отождествлять себя с собственной общностью, дистанцируясь от иных, прежде всего, этнических, образований.

Этнонационализм становится формой партикуляризма и исключительности и средством достижения политической и экономической власти. Он фактически является средством создания этнически однородных государств, основанных не на чувстве сопричастности к судьбе своего государства и через гражданство и культуру – ко всем представителям этого государства, а на чувстве враждебности по отношению к другим народам и представителям этносов» [1, с. 58].

Данная форма национализма является безотказным орудием в руках финансистов, желающих убрать с рынка конкурентов, но не имеющей возможности бороться с ними по-честному. Ведь убедить соплеменников и земляков, что вести дела с инородцами равносильно предательству, будет гораздо более действенно, чем действительно держать торговлю в своих руках. Точно также этнический национализм для губернатора-сепаратиста является удобным средством наращивания собственной автономии, а в дальнейшем – для легального разрыва с центральной властью. Следует особо подчеркнуть, что такой этнонационализм произведен не от этноса, а от группы лиц, которая представляет этнос перед соседями и в определяющей мере может влиять на его социально-политическую активность. Создание развитой эт-

нической культуры такими националистами не предполагается, равно как они не собираются учитывать реальных нужд своих соплеменников и земляков. Именно этнический национализм расцвёл во многих странах «чёрной» Африки и некоторых бывших советских республиках. Он представляет собой серьёзную проблему и для охваченных этой доктриной этносов, и для их соседей, поэтому механизм создания и функционирования такой доктрины следует рассмотреть подробно.

В качестве примера рукотворного, обусловленного нуждами конкретных влиятельных лиц этнонационализма обратимся к бурханизму – религиозно-политическому движению, охватившему Горный Алтай в начале XX в. и разгромленному благодаря профессиональным действиям царской полиции и православной Церкви. Русское проникновение на Алтай началось ещё в XVII в., но не повлекло за собой ни военной экспансии, ни ассимиляции коренного населения, которое вело кочевой образ жизни. Крестьяне-переселенцы хоть и не всегда были рады соседям-кочевникам, исповедовавшим шаманизм, но открытых столкновений практически не случалось. Начавшееся в XVIII в. освоение Алтая горнозаводскими промышленниками привело к сокращению кочевых пастбищ, но большинство номадов смогло примириться с этим относительно безболезненно. Населявшие Горный Алтай кочевые семейства и кланы не осознавали своего этнического единства, и русские переселенцы именовали их телеутами, имея в виду местный язык, а не народность.

Заметим, что, хотя царская администрация не предпринимала действенных попыток русификации алтайских кочевников, они всё же подверглись русскому культурному влиянию благодаря миссионерской деятельности Церкви. Алтайская православная миссия была основана в 1828 г. и сразу же предприняла ряд мер помощи новообращённым номадам в переходе от кочевого хозяйства к земледелию, обучению необходимым для этого ремёслам, организовала для местных детей начальные школы и даже обеспечила своих прозелитов некоторым медицинским обслуживанием и правовой поддержкой. Основатель миссии архимандрит Макарий (Глухарёв), ныне канонизированный в лике преподобного, обладал среди кочевников таким авторитетом, что они даже позволяли ему обучать своих детей обоего пола в интернатах при миссии [3, с. 161]. Некоторые из местных последователей святого в дальнейшем заняли в обществе заметное место. В частности, крещёный алтаец М. В. Чевалков, выполнявший при архимандрите обязанности переводчика, впоследствии стал известным писателем [4, с. 188-189].

Однако к началу XX в. в Горный Алтай проник самогонный бизнес, хоть и запрещаемый царскими законами, но от этого не менее прибыльный. Пришедшие вскоре за самогонщиками скотопромышленники принялись не без успеха конкурировать с местными баями, а в 1904 г. правительственным решением был увеличен земельный фонд для крестьян-переселенцев, что автоматически лишило номадов очередных пастбищ. В этот-то неприятный момент словно из воздуха возникло эс-

хатологическое учение, именуемое *бурханизм*, в модифицированном виде существующее на Алтае по сей день.

Основателем бурханизма считается Чет Челпанов – пастух, в 1904 г. начавший пророчествовать о скором возвращении на Алтай местного национального героя – богатыря Шуну, который, согласно легендам кочевников, в XVIII в. отдал племена телеутов в русское подданство на условиях бережного отношения к ним со стороны петербургской короны. По преданию, признаком скорого возвращения героя и расторжения договора между кочевниками и Россией станет таяние ледника на одной из известных в округе гор. По словам Челпанова, возвращение Шуну привлечёт к алтайским проблемам внимание божества по имени Ойрот-Хан, которое уничтожит русское население края и, тем самым, избавит кочевников от экономических проблем, связанных с колонизацией.

Любопытно, что местные шаманы объявили Челпанова мошенником, а он в ответ противопоставил своё учение – «белую веру» – шаманизму, именуемому «красной верой». Сторонники самозваного пророка собирались в урочище Дерем, где проводили экстатические моления. Ими были схвачены и взяты в заложники несколько шаманов, в которых Челпанов видел конкурентов своей проповеди. При этом, рекомендуя своим последователям почитать солнце и луну, «пророк» не забыл потребовать и обязательного отказа от русских фабричных товаров, а чуть позже вообще запретил любые сделки и даже разговоры с русскими переселенцами [5, с. 85]. Когда последователи спрашивали, почему бог Ойрот-Хан беседует именно с Челпановым, проповедник отвечал, что сам он речь божества не слышит, но ссылаясь на видения своей малолетней падчерицы Чугул-Сарок-Чандык. В знак лояльности движению каждый новообращённый должен был отдавать все свои наличные рубли именно ей, из-за чего за девочкой закрепилось прозвище Шулени, то есть сборщица податей.

В результате такой проповеднической активности Челпанова не состоялись ежегодные ярмарки в Усть-Кане и Онгудае, русские торговцы и миссионеры подверглись бойкоту, а несколько кочевников, сохранивших верность шаманским практикам, подверглись нападению адептов секты. Полицейское начальство отреагировало быстро и чётко. В ночь на 21 июня 1904 г. отряд полиции, усиленный крестьянскими ополченцами, окружил урочище Дерем, а затем, после короткой драки и перестрелки, главари движения были захвачены. Вскоре после ареста Чета Челпанова и его телохранителя Чепяка Юдуева движение пошло на спад, и регулярная торговля между русскими и алтайцами возобновилась. Более того, многие вчерашние сектанты открыто называли своего бывшего лидера мошенником и свидетельствовали, что ни одно из его приказаний не сбылось [6, с. 60].

Поскольку Россия в это время вела войну с Японией, то царская полиция внимательно отнеслась к случившемуся инциденту. Первоначально Челпанову пытались поставить в вину шпионаж в пользу японцев [7, с. 196], но эти предположения не имели под собой никаких реальных оснований и были вскоре отвергнуты. При-

бывший из Томска следователь барон Бруннов, проведя обыск в юртах наиболее авторитетных сектантов, обнаружил множество вещей, связанных с монгольским ламаизмом [8, с. 20]. В эти годы среди монголов набирало силу движение за отделение Монголии от Китая, и вдохновлявшие сепаратистов буддийские монахи часто бывали на Алтае. Алтайские же кочевники-пастухи нередко посещали берега озера Цаган-Нор [5, с. 53], где находилась ставка одного из вождей монгольских сепаратистов, связанного с тибетскими ламами. Однако даже версия связи Челпанова с ламаизмом и монгольским сепаратизмом, невзирая на всю свою правдоподобность, не подтвердилась: основатель бурханизма не был грамотным и ни разу в жизни не покидал Алтай. Зато следствие вскоре выяснило причину быстрого распространения бурханизма среди кочевников: оказалось, что проповедника негласно поддерживали местные баи Манджи Кульджин и Кылтык Елбадин, серьёзно пострадавшие от конкуренции с русскими скотопромышленниками. Будучи по роду занятий наёмным пастухом, Челпанов был в той или иной мере знаком с владельцами почти всех стад Горного Алтая, и поэтому двое местных негоциантов, не выдержавших конкуренции с русским бизнесом, использовали «пророка» в своих целях. Участие обоих предпринимателей в финансировании бурханизма на начальном этапе движения было доказано, и баи попали под арест. Томский губернский суд в 1905 г. оправдал всех участников движения на основании Манифеста от 2 августа 1904 г., что, впрочем, не вернуло самозваному проповеднику влияния на Алтай.

Если применить к бурханизму, каким он был в момент своего возникновения в 1904 г., признаки этнического национализма, указанные нами в начале работы, то остаётся признать, что перед нами попытка сформулировать этнонационалистическую доктрину и под её знаменем начать антирусское движение, своевременно пресечённое царской полицией. Ведь учение Ч. Челпанова представляет собой попытку разжечь рознь между русским и телеутским населением Алтая, опираясь на этноцентризм местного населения и эксплуатируя для этого средневековые легенды. Возможно, самостоятельное творчество «пророка» ограничилось бы религиозной сферой, но спонсоры-баи настояли на дополнении сектантской доктрины экономическим аспектом, крайне выгодным для их коммерции.

Об организации среди кочевников системы образования, которая могла бы стать альтернативой церковным школам, не было и речи. Местные националисты желали лишь выгнать с Алтая конкурентов в лице русских предпринимателей, крестьян и священников. Если представить, что им это удалось, то большинство местных жителей оказались бы отброшены в позднее Средневековье, а негласно подогревавшие сепаратизм скотоводческие магнаты повели бы торговлю с Россией на своих условиях и стали бы единственными бенефициарами этнонационалистического движения. Для обеих сторон счастливым обстоятельством послужило отсутствие на Горном Алтае административной автономии, что позволило полиции действовать незамедлительно, не ставя местное население в известность относительно

своих планов. Если же представить, что существовала бы какая-нибудь телеутская автономия, то её руководство пребывало бы на содержании у кочевых скотовладельцев и лишь имитировало борьбу с сектантством и сепаратизмом, временно снабжая Петербург формальными отчётами.

Подводя итоги, отметим, что национализм вообще не может быть однозначно оценен ни как положительный, ни как негативный фактор общественной динамики. Необходимо уточнять, о каком именно виде национализма идёт речь – о гражданском / культурном национализме или же об этнонационализме. Результатом действия гражданского национализма являются современные европейские государства, и это не мешает им интегрироваться между собой и сотрудничать с неевропейскими партнёрами.

По мере своего развития гражданский национализм привёл к росту национальных культур, и именно благодаря гражданскому национализму немцев и итальянцев мировое художественное достояние обогатилось поэзией И. В. Гёте и музыкой Дж. Россини. А вот этнический национализм не дал миру ничего, кроме бесконечных однотипных движений за отделение кого-то от чего-то, а после очередной сессии – громких разборок между подлинными заказчиками сепаратизма и его формальными вожаками. Рецепт, который применяли Чет Челпанов и его спонсоры, не только не забыт их современными аналогами из других стран, но и не потерял своей действенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Костина А. В. Гудима Т. М. Культурная политика современной России. Соотношение этнического и национального. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 240 с.
2. Федосов Д. Г. Андские страны в колониальную эпоху. Религиозная и художественная картина мира. – М. : КомКнига, 2006. – 248 с.
3. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2007. – 688 с.
4. Владислав (Цыпин), прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. – 3-е изд., испр. – М. : изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 816 с.
5. Данилин А. Г. Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). – Горно-Алтайск : Ак Чечек, 1993. – 208 с.
6. Из записок второй партии проповедников Алтайской духовной миссии за 1906 год // Бурханизм – Белая вера (Ак јанг): документы и материалы. – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2014. – С. 60-63.
7. Синицын Ф. Л. Россия и кочевники. От древности до революции. – М. : Вече, 2021. – 288 с.
8. Рапорт старшего советника Томского губернского управления барона Бруннова томскому губернатору о волнениях в горном Алтае в мае – июне 1904 года // Бурханизм – Белая вера (Ак јанг): документы и материалы. – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2014. – С. 12-22.

S. I. Sulimov

(Doctor of Philosophy, Associate Professor)

Voronezh State University

(Voronezh, Russian Federation)

E-mail: sta-sulimov@ya.ru

**THE ROLE OF NATIONALISM IN SOCIAL DYNAMICS:
CIVIL AND ETHNIC NATIONALISM**

Annotation. *This article is devoted to the analysis of such a socio-cultural and political phenomenon as nationalism. Based on the work of the Russian researcher A.V. Kostina, the author identifies such types of nationalism as civil and ethnic. If civic nationalism is based on the commitment of all members of the community to a single system of cultural values, either ethnic nationalism bases the solidarity of a community on its opposition to any other communities and on the strengthening of ethnocentrism.*

Key words: *civic nationalism, «print capitalism», ethnic nationalism, ethnocentrism, ethnic cleansing.*